

Российский государственный гуманитарный университет

Институт высших гуманитарных исследований

Центр типологии и семиотики фольклора

XV Мелетинские чтения

Культура как коммуникация

Фольклорная секция

Материалы

Всероссийской научной конференции

Москва, РГГУ, 20 – 21 октября 2023 г.

Москва

2023

УДК 398

ББК 82.0

К 90

Составитель и редактор

М.В. Гаврилова

К 90

Культура как коммуникация. Фольклорная секция. Материалы Всероссийской научной конференции XV Мелетинские чтения (Москва, РГГУ, 20–21 октября 2023 г.) / Сост. и ред. М.В. Гаврилова. М.: РГГУ, 2023. 18 с.

© Коллектив авторов, 2023

© Российский государственный
гуманитарный университет, 2023

Оглавление

<i>Александрова Е.В.</i> Между возгласом и гимном: масштабирование сакральной коммуникации в Древнем Египте	4
<i>Бер-Глинка А. И.</i> Тропами Проппа. Как африканский этнографический материал помогает понимать античные сюжеты (на примере представлений о змеях)	5
<i>Каяниди Л. Г.</i> Сказочный тип СУС 756В «Кумова постель» («Мужик Мадей») как симбиоз народной мифологии, христианско-апокрифической и иконописной традиции	6
<i>Коровина Е. В.</i> Истории для деревянных досок: тексты, связанные со storyboards островов Палау, и их параллели	6
<i>Королёва С.Ю.</i> Перечисление умерших в поминальном обряде (взаимодействие устной и письменной традиций)	7
<i>Левочская Е. Ф.</i> Цветаева и цветаевки: смысловое поле вокруг чтения авторских текстов.....	8
<i>Лобанова Л. С.</i> Мотив явления оленя в устной культуре вишерских коми: от легенды к коллективному прозвищу.....	8
<i>Михайлова Т. А.</i> Встреча в лесу: «образец» и «инструкция» в культуре коммуникации.	9
<i>Неклюдов С. Ю.</i> Культура как коммуникация	10
<i>Панюков А. В.</i> Порча-сглаз как феномен вербальной магии: нарративный аспект	11
<i>Радченко Д. А.</i> Небесные знаки: практики семиотизации природных явлений в социальных медиа.....	12
<i>Сарычева Ю. В.</i> Пространство перехода между жизнью и смертью в аниме (на примере двух фильмов)	13
<i>Селеева Ц. Б.</i> Цикл «Джангара» Ээлян Овла и его влияние на калмыцкую и синьцзян-ойратскую традиции: к вопросу о культурных заимствованиях.....	14
<i>Старикова Е. О.</i> Песенный фольклор китайской народности цзин (кинй): сохранение и переосмысление вьетнамской традиции.....	15
<i>Топорков А. Л.</i> Псевдоканонические молитвы, апокрифические тексты и заговоры в русской традиции: проблемы трансформации текстов в условиях внутрикультурной коммуникации	16
<i>Устьянцев Г. Ю.</i> «Я бы не сказал, что это рай, это скопление душ, космонавты это видят»: мифологические представления марийских жрецов об устройстве мира	17

Александрова Екатерина Владимировна

кандидат культурологии

доцент, старший научный сотрудник НИУ ВШЭ

преподаватель РГГУ

Между возгласом и гимном: масштабирование сакральной коммуникации в Древнем Египте

Насколько можно судить, возглас, определенный жест руками и простираание – минимальная форма приветствия и умилоствления божества в Египте. Она упоминается уже в «Текстах Пирамид», но и в последующие эпохи получает своеобразное развитие в образе таинственного языка павианов, приветствующих рождение солнечного бога своими криками и плясками. Краткие цитаты текстов (опять же, в «Текстах Пирамид»), предположительно, произносившихся перед божеством, лишь провозглашают красоту и благодать бога, в сущности, приводя его в необходимое настроение для осуществления сакральной коммуникации. «Созерцание красоты бога» простолюдинами становится возможным с распространением религиозных процессий, которые создают контекст для проявления личного благочестия в текстах, свидетельствующих перед всем миром о благом вмешательстве бога в частную жизнь простого смертного. Феномен личного благочестия явился закономерным итогом развития как гимнической традиции, исследовавшей многообразие проявлений божественной воли в мире, так и религиозных потрясений эпохи Амарны. Однако зерно подобных текстов, отражающих связь повседневной жизни человека с божеством и стремлением умилоствить его своим поведением, можно найти уже в гробничных автобиографиях эпохи Древнего Царства.

В этом сообщении мы намерены сопоставить свидетельства о почитании божества с целью разделить синхронные (варьирование объема, характерное для текстуализации мифологических мотивов) и диахронные (развитие теологической мысли) процессы разворачивания и усложнения текстов, характеризующих сакральную коммуникацию.

Бер-Глинка Андрей Игоревич

кандидат исторических наук

независимый исследователь, Анталья

Тропами Проппа. Как африканский этнографический материал помогает понимать античные сюжеты (на примере представлений о змеях)

В.Я. Пропп в «Исторических корнях волшебной сказки» (1946) предложил использовать сказочный фольклор и этнографический материал сопредельных с Европой (и отдаленных от неё) регионов для объяснения архаических мотивов, встречающихся в европейских сказках (принесение девушек в жертву змею, увод детей в лес, их поглощение чудовищем и пр.). Настоящий доклад демонстрирует, как метод Проппа работает на африканском этнографическом материале, на примере представлений о змеях.

В античных письменных и материальных источниках встречаются труднообъяснимые представления о змеях. В античной Европе змея считалась добрым духом дома, домашние змеи-пенаты изображались в ларариях римских домов неподалеку от кухни. Римляне держали домашних змей, а десятки народов Европы практиковали это вплоть до XX в. О домашней змее говорили, что она «тьень» хозяина дома, или что она и есть сам хозяин. Змея считалась в какой-то мере символическим двойником человека: Тиберий Гракх и император Клавдий рассматривали происходившее с их домашними змеями как предзнаменование собственной судьбы. В змей превращались, умирая, выдающиеся люди – Кадм и Гармония, неоплатоник Плотин и спартанский царь Агамед III. В виде змей почитались героини (Анхиз). На надгробных плитах, начиная с архаики (до VI в.), и вплоть до имперского времени змея символически изображала умершего. В виде змеи во сне Клитемнестры из головы убитого Агамемнона явился Орест. В змей могли превращаться люди и боги, чтобы вступить в противоестественную связь: Зевс овладел матерью Реей, Фавн – дочерью, Доброй богиней, неизвестный бог – женой Филиппа Олимпиадой, царь Пелей – титанидой Фетидой. Античные источники не дают развёрнутого объяснения этой символической связи змеи и человека. В Африке же по сей день бытуют представления, позволяющие реконструировать место змеи в универсуме, и рисующие целостную картину мира, в которой змее отводится весьма значимая роль. Эти представления проливают свет на кажущиеся разрозненными античные сюжеты и демонстрируют сходство мировоззрения в обеих частях света.

Каяниди Леонид Геннадьевич

кандидат филологических наук

доцент кафедры литературы и журналистики Смоленского государственного
университета

Сказочный тип СУС 756В «Кумова постель» («Мужик Мадей») как симбиоз народной мифологии, христианско-апокрифической и иконописной традиции

Сказочный тип 756В «Кумова кровать» («Мужик Мадей») представляет интерес вследствие симбиоза разнородных влияний: литературно-апокрифических, народно-мифологических и иконографических. Как правило, 756В состоит из двух ходов, имеющих одинаковую синтагматическую структуру: блок недостачи, предварительное испытание и основное. В первом ходе запродавший в детстве черту герой-ксендз добывает в аду расписку на свою душу, а во втором разбойник Мадей, оказавший помощь ксендзу, узнав о своем посмертном мучении, совершает покаянный подвиг. Сюжет 756В генетически связан с древнерусским апокрифическим «Словом о Крестном Древе». Разбойник Мадей наделен чертами апокрифического Лота: греховность, выполнение покаянного подвига, связь с водной стихией. С апокрифической легендой связаны также финальный мотив сгорания героя-разбойника, его срастание с выращенным в ходе покаянного подвига деревом, его крестообразная поза. В сказке Добровольского возникает алломорф разбойника Мадея – мельник, который в народной мифологии связан с чертом и использует в качестве апотропея траву «адамова голова», которая защищает мельницы в силу подобия мельницы и Голгофы. Образ разбойника Мадея генетически связан также с иконописным типом благоразумного разбойника, от которого сказочный герой получает два имени: Мадей или Рах.

Коровина Евгения Владимировна

младший научный сотрудник Института языкознания РАН

Истории для деревянных досок: тексты, связанные со storyboards островов Палау, и их параллели

Традиция помещения на фасады и балки общинных домов изображений, отражающих легенды или иные религиозные представления, известна на многих островах Океании. Столь же повсеместно распространено изготовление и продажа традиционных или псевдотрадиционных изделий туристам. Одним из известных вариантов таких изделий на продажу являются деревянные доски с Палау, на которые

красками или при помощи резьбы нанесены эпизоды фольклорных повествований. Она появляется в 1930-е годы благодаря усилиям японского художника Хисатаки Хиджиката, который трансформировал традицию расписных изображений на домах жителей Палау в изображения на относительно компактных досках, продаваемых в качестве сувенира. В отличие от старой и к настоящему времени уже полностью ушедшей традиции, доски для туристов отличает, в частности, куда более узкий набор сюжетов. Художники, делающие доски для туристов, обращаются лишь примерно к 30 из них и даже издаются сборники с их изложением. Часть сюжетов, появляющихся на этих досках, специфична для Палау, например, история о нападении гигантского крокодила, отражающая реальный случай, произошедший в Аираи. Другие сюжеты, как, например, история о волшебном хлебном дереве, через которое во двор женщины поступала рыба, имеют параллели далеко за пределами островов. В докладе предполагается представить обзор основных сюжетов для туристических досок.

Королёва Светлана Юрьевна

кандидат филологических наук

доцент Пермского государственного национального исследовательского
университета

Перечисление умерших в поминальном обряде (взаимодействие устной и письменной традиций)

Мифо-ритуальная традиция восточных славян предполагает, что в ходе некоторых индивидуальных и календарных поминальных обрядов, осуществляемых вне церкви, могут перечисляться умершие родственники. В отдельных случаях их список бывает достаточно длинным. Очевидно, что эта вернакулярная традиция сложилась под прямым влиянием церковных практик и, в частности, вычитывания помянников. Другой церковный источник, повлиявший на ее формирование – специальные поминальные молитвы, включающие перечисление различных категорий умерших. В различных (этно)локальных сообществах формируются и передаются свои правила «списочного» поминовения, касающиеся времени и места произнесения, а также конструирования произносимого поминального текста. Этот текст может следовать за канонической молитвой (в так называемом утреннем правиле или литии); быть частью самостоятельной фольклоризованной молитвы; предваряться фольклорной формулой приглашения покойных к трапезе и др. Отдельный исследовательский интерес представляют мнемотехники, которыми пользуются говорящие, чтоб по памяти воспроизвести список поминаемых в ходе ритуала.

Левочская Елена Федоровна

кандидат филологических наук

доцент кафедры гуманитарных дисциплин ИОН РАНХиГС

Цветаева и цветаевки: смысловое поле вокруг чтения авторских текстов¹

Читать можно по-разному: по-разному интерпретировать прочитанное, по-разному применять полученную фактическую и эмоциональную информацию. Печатный текст фиксирован и отделен от своего автора, но на практике он не безличен. Многие получают знание и самого текста, и конвенциональных интерпретаций устно в ходе школьного обучения или неформального общения, часто эмоционально насыщенного. В докладе пойдет речь о том, как чтение стихов и автобиографической прозы Марины Цветаевой служит для осмысления собственного опыта, а также формирования жизненных сценариев и сюжетов. Для этого я рассмотрю сетевые взаимодействия вокруг чтения, инициирование новых читателей, выделяемые при чтении смыслы, пересказы и интерпретации прочитанного (текстов и биографии поэта). Материал – интервью с читателями и анкетирование, результаты наблюдения на цветаевских поэтических кострах и подборка эссе, присланных на конкурс журнала «Новый мир» в 2022 году (около 160 текстов без редакторской правки и предварительного отбора).

Лобанова Людмила Сергеевна

научный сотрудник сектора фольклора ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН

Мотив явления оленя в устной культуре вишерских коми: от легенды к коллективному прозвищу

В докладе анализируются разновременные и разножанровые тексты с мотивом чудесного явления оленя: сюжет фольклорного текста в литературном произведении, разные формы легенды, предание, прозвищный фольклор, географическая песня. Доказывается, что мотив «чудесного явления оленя» имеет сюжетопорождающее свойство, может реализовываться в текстах различных жанров. Выбор жанра зависит от отношения текста к действительности (модальности), а также от состояния традиции. Если в XIX в. легенда с мотивом «чудесного явления оленя» придавала сакральный статус актуальному обряду жертвоприношений, то в конце XX – начале XXI в., она, потеряв свою актуальность со сменой религиозной системы и хозяйственно-культурного уклада, перешла в разряд «местной истории» и стала реализовываться в преданиях с мотивом «чудесного явления оленя к вишерской церкви

---

¹¹ Работа выполнена при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 23-28-01717 «Цветаевские костры как ритуал, культурная сцена и эмоциональное убежище».

и/или жертвоприношения домашнего животного». Основной темой повествования данных текстов является интересное событие прошлого своего локального сообщества или соседнего, что становится способом выражения локальной идентичности. Более отчетливо она проявляется в нарративах, содержащих коллективное прозвище и его мотивацию.

Михайлова Татьяна Андреевна

доктор филологических наук

ведущий научный сотрудник Института языкознания РАН

Встреча в лесу: «образец» и «инструкция» в культуре коммуникации

Среди многочисленных оберегов от возможной сверхъестественной агрессии, зафиксированных в фольклорных меморатах, отмечается грубое обращение и брань (ср., однако, запрет на брань в лесу из боязни «рассердить лешего»). Таким образом, персонаж, условно названный в сказках типа «Морозко» «родной дочерью», в момент встречи в лесу с мифологическим персонажем следует, предположительно, известной ей «инструкции». Однако именно этот персонаж оказывается наказанным. Причина гибели родной дочери лежит не в неверном распознавании персонажа, но в ошибочной квалификации фокуса нарратива, в котором тот исполняет функции не агрессора, а дарителя. Ср. также многочисленные мемораты, базирующиеся на неверном распознавании встреченного персонажа: русская лешачиха, норвежская хульдра, ирландская сида квалифицируются в момент встречи как земная женщина, что для протагониста может кончиться трагически.

В основе доклада лежит анализ ирландского предания о Махе Рыжегривой. Псевдоисторический персонаж, единственная женщина-королева в Ирландии, упоминаемая в Истории Китинга и в Анналах, а также в «старинах мест» (топонимических преданиях), она известна тем, что разрешила спор о праве на трон неожиданным способом. Маха подстерегла своих двоюродных братьев, которые оспаривали это право, в лесу, когда те отдыхали после охоты и, одевшись прокаженной, поочередно склонила их к соитию. Связав каждого, она в обмен на жизнь потребовала отказа от трона. Мы предполагаем, что в истоке сюжета лежит мотив встречи в лесу претендента на трон и прокаженной (описание см. в саге о сыновьях Эохайда Мугмедона и др.). После соития та превращается в прекрасную девушку, символизирующую Власть, и ее избранник получает статус законного верховного правителя страны. Таким образом, в основе рассказа о Махе лежит, с одной стороны, неверная оценка персонажа (реальная, условно, женщина воспринимается как мифологический персонаж), а с другой – конфликт жанров и «образцов». Проблема осознания компилятором воспроизводимой нарративной модели является, естественно, предположительно, но допускающей дискуссию.

Неклюдов Сергей Юрьевич

доктор филологических наук

профессор ЦТСФ РГГУ

главный научный сотрудник ЛТФ ШАГИ ИОН РАНХиГС

Культура как коммуникация

1. С семиотической точки зрения культуру можно рассматривать как совокупность текстов, считая «текстом» любую структурно организованную последовательность знаков (словесных, изобразительных, предметных, акциональных и т.д.), передающую определенное идеологически и эстетически значимое «сообщение». «Относиться к одной культуре» – значит иметь общую «библиотеку культурных текстов»; именно подобная «библиотека», принадлежащая какому-либо сообществу, в известном смысле репрезентирует культуру данного сообщества (этнического, регионального, социального, генерационного и т.д.).

Наборами текстов различаются культуры национальные, региональные, диалектные, социолектные, поколенческие, семейные. Связи между ними многообразны: сетевое соседствование (часто с подвижными границами); частичное взаимоналожение, сопровождающееся одно- или двусторонней инфильтрацией текстов и их элементов; иерархические отношения (часть – целое) и т.д. Наполнение этих «библиотек» не бывает неизменным, происходит постоянная ротация текстов, особенно интенсивная в эпохи исторических потрясений и культурных революций. Наконец, могут различаться тип и уровень избирательного «допуска» к тем или иным текстам, что имеет самые разные социокультурные обоснования – религиозные, педагогические и пр.

2. С «технологической» точки зрения, культурная традиция – это коммуникационная система, которая обеспечивает трансмиссию текстов в пространстве и во времени, их сохранение и воспроизводство. Звенья подобной трансмиссии наращиваются, пока подтверждается социокультурная востребованность информации, заключенной в передаваемых «сообщениях». При ее деактуализации невостребуемый текст уходит в «архив культуры», откуда может быть извлечен на очередном историческом повороте и пущен в обиход, но уже в новой функционально-семантической огласовке.

Устойчивость традиции определяется ее «управляющими программами», прежде всего, жанровыми (в широком смысле слова), без чего невозможно многократное воспроизведение текста с устойчивым сохранением диапазона его смыслов. Они не допускают чрезмерного «раскачивания» транслируемых смыслов, что в конечном счете привело бы к утрате идентичности предшествующих и последующих «сообщений». Данные программы, как и модели текстообразования, совсем не

обязательно формулируются в виде инструкций или экспликаций регулятивной направленности (поэтологические и иконометрические трактаты Древности и Средневековья и т.п.). Обычно они «защиты» в уже существующие тексты, структурная организация которых не подвергается рефлексии, но воспроизводится в значительной мере автоматически. В наибольшей степени это относится к устной традиции.

3. Поскольку фольклорный текст – это обычно сравнительно точное или сравнительно свободное повторение услышанного, относительно устойчивая комбинация элементов традиции, реализуемая в каждом акте исполнения, передавать и хранить устное «сообщение» без его периодического воспроизведения нельзя; поэтому, в частности, ротация текстов здесь может быть лишь окончательной и безвозвратной. Только изобретение письменности порождает принципиально иной тип культурной коммуникации: в силу закрепления «сообщения» на некоем материальном носителе, становится возможным хранение и передача текста без его регулярного воспроизведения.

Панюков Анатолий Васильевич

кандидат филологических наук

ведущий научный сотрудник сектора фольклора ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН

Порча-сглаз как феномен вербальной магии: нарративный аспект

Доклад продолжает исследования, посвященные феномену порчи-сглаза. В силу многочисленности и противоречивости научных концепций, объясняющих магическую природу представлений о сглазе, было предложено сконцентрировать внимание на традиционных представлениях коми-зырян о сглазе-вомидз, позволяющих утверждать их исходный вербально-магический характер. В основу авторской концепции было выдвинуто следующее определение: «Порча-сглаз – это непреднамеренное, спонтанно индуцируемое вербально-магическое воздействие с негативным результатом, обусловленным языковой семантикой слова-вомидз. Вербальный компонент, лежащий в основе магического акта, может быть выражен прямой речью или связан с восприятием (= вербализацией) адресатом невысказанных мыслей и намерений адресанта». Вербально-магический акт сглаза-вомидз может быть представлен в виде коммуникативной модели: адресант (отправитель слова-вомидз) – вербальное сообщение (слово-вомидз) – адресат (получатель сообщения) и объект порчи-вомидз (как сам адресат, так и любой жизненно значимый для него объект, находящийся в поле зрения). Анализируемые устные рассказы о порче-сглазе воспроизводят эту коммуникативную модель. При получении неожиданного сообщения в сознании адресата возникает когнитивный «ступор», который разрывает восприятие окружающей действительности на ситуации «до» и «после». Если ситуация «до»

связана с привычным, «обычным» мировосприятием, то ситуация «после» связана с переосмыслением сообщения, направленным на устранение когнитивного диссонанса. Особую роль в этом разрыве играет эмоциональная составляющая. Ситуация «после» противопоставляется нейтральному исходному контексту и обретает негативное осмысление. Когнитивные усилия направлены на поиск дополнительных референций – соотнесения вербального сообщения с объектами внеязыковой действительности, обращения к первичным номинациям, к буквальному осмыслению слов. В результате разрыва коммуникации вербальный компонент слово-вомида порождает две когнитивные модели – модели понимания сообщения. Исходный смысл воспринимается адресатом-реципиентом как «речевая ошибка», вызывающая в его сознании дополнительные когнитивные усилия, порождающие «исправленный» вариант осмысления. В структуре сюжета эти две части и представляют исходную и финальную ситуации, связанные с двумя моделями понимания вербального сообщения.

Радченко Дарья Александровна

кандидат культурологии

старший научный сотрудник ЛТФ ШАГИ ИОН РАНХиГС

Небесные знаки: практики семиотизации природных явлений в социальных медиа

В период СВО в социальных медиа регулярно появляются посты, содержащие фотографии неба и короткие тексты, интерпретирующие изображение как знамение свыше (например, облако в форме буквы Z). Эта практика семиотизации природных явлений имеет традиционный и весьма устойчивый характер. Однако в рассматриваемом случае привычный жанр рассказа о небесных знамениях трансформируется: его вербальная часть существенно сокращается – иногда до указания времени и места фотосъемки – а появившаяся визуальная часть фреймируется как «объективное» свидетельство происходящего. Статус «новостного» текста поддерживается способом распространения таких постов: как правило, подобного рода сообщения создаются пользователями, но публикуются в патриотических группах и каналах соцмедиа через посредство их администраторов, превращаясь из авторского текста в сообщение от лица канала. В докладе мы рассмотрим структуру интернет-текстов о небесных знамениях и обсудим коммуникативные формы их верификации и оспаривания пользователями социальных медиа.

Сарычева Юлия Владимировна

независимый исследователь, Тель-Авив

Пространство перехода между жизнью и смертью в аниме (на примере двух фильмов)

В докладе я рассмотрю, какие мифологические представления о переходе между жизнью и смертью и специфическом пространстве, с ним связанном, отражены в современных аниме.

Исследование проведено на базе двух фильмов жанра аниме: «Ловцы забытых голосов» (дословно «Дети, охотящиеся за звездами»), снятого в 2011 г. японским режиссером Макото Синкаем, и «По ту сторону океана» («Большая рыба и бегония», «Большая рыба и китайское цветущее крабовое яблоко»), снятого в 2016 г. двумя китайскими режиссерами – Лян Сюанем и Чжан Чунем.

В аниме мы наблюдаем несколько устойчивых представлений:

- пространство между мирами находится под водой или под землей (либо предполагается сочетание того и другого);
- оно населено полубогами/богами/племенами, ушедшими под землю и хранящими древние знания;
- через него можно вернуть умершего близкого либо встретиться с ним (за выкуп).

Из каких представлений взяты образы в этих аниме? Например, в фильме «Ловцы забытых голосов» раскрыто представление о Шамбале – потайном месте под землей, где хранятся секретные знания (Тибет), там же «стражи врат» и по совместительству «хранители знаний» названы Кецалькоатлями, а изображены доисторическими/фантастическими животными. Иными словами, название ацтекского божества смешано с образами отчасти научными (динозавры), отчасти просто выдуманных животных, которые исполняют функцию хранителей врат подземного мира.

На мой взгляд, не представляется возможным отнести данные сюжеты и персонажей, в них встречающихся, к какой-то одной национальной мифологии; они, как и вся современная культура, состоят из смешения различных мифологий, национальных культур и фольклорных текстов.

В докладе будет показано, что из представлений о загробном мире/медианном пространстве в аниме романтизировано, а что взято «напрямую» из мифологических представлений/сюжетов, и из каких культур.

Селеева Цаган Бадмаевна

кандидат филологических наук

старший научный сотрудник ЛТФ ШАГИ ИОН РАНХиГС

Цикл «Джангара» Ээлян Овла и его влияние на калмыцкую и синьцзян-ойратскую традиции: к вопросу о культурных заимствованиях

Появление и бытование в синьцзян-ойратской традиции песен цикла Ээлян Овла связано с культурными заимствованиями книжных версий калмыцкого эпоса, когда песни, усвоенные синьцзян-ойратскими джангарчи-сказителями из книжных источников ушли в активное бытование их традиции. Устные и многочисленные книжные тексты «Джангара» Ээлян Овла имели значительное влияние на эпическую традицию калмыков и ойратов XX века. В этой связи следует отметить издание цикла «Джангара» Ээлян Овла приуроченного к 500-летию калмыцкого эпоса «Джангар» в издательстве АН СССР в русском переводе и поэтической обработке С. И. Липкина, со вступительной статьей С.А. Козина и Н.Н. Поппе, послужившее популяризации и широкой известности эпоса. С тех пор цикл Ээлян Овла становится самым известным из калмыцких циклов эпоса и репрезентирует калмыцкий «Джангар» во всем мире.

Следует отметить, что в довоенный период уже отмечается влияние Ээлян Овла на творчество калмыцких сказителей того времени. Так, в некоторых песнях репертуара Мукёбюна Басангова и Давы Шавалиева отмечается сюжетное сходство с главами Ээлян Овла. А джангарчи Тёлтя Лиджиев был непосредственным исполнителем глав репертуара прославленного сказителя. Известные джангарчи позднего периода являются прямыми последователями творчества Ээлян Овла и приверженцами его школы.

Первое издание в 1910 г. Номто Очировым книжной версии цикла сказителя Ээлян Овла было предпринято в целях популяризации эпоса на старокалмыцком («ясном») письме, затем на латинском алфавите. Оно послужило актуализации традиций центральноазиатского «Джангара» в ойратской среде Монголии и Синьцзяна, а также бытованию сведений о «рукописях» «Джангара», встречающихся в Калмыкии, Монголии, Синьцзяне, Бурятии. Не исключено, что источниками подобных «сведений», по мнению С.Ю. Неклюдова, стали распространявшиеся в этих регионах экземпляры литографического издания калмыцкой версии Ээлян Овла 1910 г. и его рукописные копии.

Самая первая публикация «Джангара» в Китае оказалась фактически приурочена к возвращению депортированных калмыков из Сибири и была посвящена имени и наследию прославленного Ээлян Овла. Этот акт знаменовал восстановление и возобновление наследственных, кровных и духовных связей некогда единого народа — калмыков России и ойратов Синьцзяна. В 1958 г. Издательством Внутренней Монголии на старокалмыцкой письменности были опубликованы десять песен

«Джангара» версии Ээлян Овла, изданных в 1910 г. в Петербурге. Свод «Джангара», изданный в 1940 г. в СССР, состоящий из тринадцати глав и переложенный на ойратское «ясное письмо», был опубликован в 1964 г. Народным издательством Синьцзяна.

В трехтомном издании (1986, 1987, 2000) 70 глав-песен «Джангара» нами были обнаружены синьцзян-ойратские главы-соответствия версии Ээлян Овла и проведено сравнительно-типологическое исследование на текстологическом, сюжетном и темно-мотивном уровнях. Текстологическое совпадение на 70 процентов является свидетельством прямого заимствования. Следует отметить распад монолитного цикла Ээлян Овла и бытование отдельных песен у разных синьцзян-ойратских сказителей.

Старикова Екатерина Олеговна

старший преподаватель НИУ ВШЭ - Санкт-Петербург

Песенный фольклор китайской народности цзин (кинъ): сохранение и переосмысление вьетнамской традиции

Доклад посвящен особенностям песен народности цзин на материале текстовых записей песен. Народность цзин, входящая в число 55 официально признанных этнических меньшинств КНР – это этнические вьетнамцы, которые проживают в Китае на приграничных с Вьетнамом территориях с начала XVI в. Цзин в Китае в основном живут в трёх находящихся в Гуанси-Чжуанском автономном регионе деревнях – Ванвэй, Шаньсинь и Утоу, исторически расположенных на островных территориях.

Исполнение народных песен является одним из важных этнических маркеров культуры цзин. Исследовательница культуры цзин Нгуен Тхи Фьонг Тям отмечает, что её информанты-представители народности цзин в интервью говорят о любви к пению и о развитой народной песенной традиции. Песни цзин имеют чрезвычайно много общего с народными песнями вьетов, проживающих во Вьетнаме, как по форме, так и по содержанию.

Многие тексты песен, которые исполняются жителями Трёх деревень цзин, можно найти во вьетнамских сборниках народных песен, в том числе скомпилированных в начале XX в. Тем не менее, многие песни (включая песни об истории деревень), являются автохтонными и представляют интересный материал для исследования.

В докладе будет представлено, какие особенности характерны для песен Трёх деревень с точки зрения образов, тематики и формы, как представители народности цзин сохраняют вьетнамскую традицию, но в то же время и конструируют собственную.

Топорков Андрей Львович

доктор филологических наук

главный научный сотрудник ИМЛИ им. А.М. Горького РАН

Псевдоканонические молитвы, апокрифические тексты и заговоры в русской традиции: проблемы трансформации текстов в условиях внутрикультурной коммуникации

Функционирование магической традиции целесообразно представлять как пространство коммуникации между исполнителями заговоров и их заказчиками, пациентами и жертвами (в зависимости от типа заговора и его направленности). Разные участники коммуникативного акта могут преследовать разные цели, по-разному понимать сами магические тексты и смысл происходящего.

Источники позволяют на протяжении относительно длительного периода времени (примерно с XV по XIX вв.) проследить трансформации текстов, обусловленные специфическим диалогом между книжно-церковной традицией молитв и экзорцизмов, апокрифической литературой и устными заговорно-заклинательными текстами, связанными с фольклорной традицией.

Процессы трансформации текстов в пространстве коммуникации между рукописной и устной, книжно-церковной и фольклорной культурами рассматриваются в докладе на материале ряда молитв, включенных в ранние славянские требники (например, молитвы от «нежита» и от «дны») и заимствованных в разное время апокрифических молитв («Сисиниева легенда», «Сон Богородицы»). Общим для рассмотренных текстов является то, что в результате апроприации рукописной и фольклорной традициями они либо превращаются в заговоры, либо функционируют параллельно в нескольких жанровых модификациях (от обширных апокрифических нарративов до кратких заговоров). Таким образом, на протяжении нескольких веков трансформируются не только сами тексты, но и их жанровые характеристики и их роль в процессе культурной коммуникации.

Устьянцев Герман Юрьевич

кандидат исторических наук

ассистент кафедры этнологии исторического факультета МГУ им. М.В.
Ломоносова, Москва

**«Я бы не сказал, что это рай, это скопление душ, космонавты это видят»:
мифологические представления марийских жрецов об устройстве мира**

В докладе рассмотрены некоторые особенности описания мифологического мироустройства в нарративах марийских жрецов. Служитель культа в марийской традиционной религии обладает статусом религиозного эксперта, часто – носителя сакрального знания. В мифо-ритуальной системе некоторых групп луговых и восточных марийцев карты проводят моления, обладают способностью видеть вещие сны и взаимодействовать с высшими силами. Для докладчика интерес представляют траектории конструирования пространств в мифологических текстах марийского жречества. Лейтмотивами в подобных описаниях являются:

- 1) дифференциация мира на пространства-уровни;
- 2) представление о насельниках миров (божествах, духах со своей иерархией);
- 3) более подробное описание «нижнего мира» – пространства смерти в контексте поминально-погребальной обрядности.

Важными для исследователя представляются проблемы табуирования жрецами определенных космогонических тем, авторский характер трактовок (часто нарративы не широко представлены в локальной культуре); влияние на тексты научного и эзотерического дискурсов. Автор ставит проблему индивидуального сочетания в рассказах марийских картов книжной, этнографической традиции, локального фольклора и глобального дискурса.

Доклад основан на материалах, собранных автором в этнологических экспедициях 2019 – 2023 гг. в Республике Марий Эл и Башкортостане.

Научное издание

XV Мелетинские чтения

Культура как коммуникация

Фольклорная секция

Материалы научной конференции

Составитель и редактор:

Гаврилова Мария Владимировна

0,8 а.л.